

Соображения к проблеме развития воли

Л. И. Божович

Как мы пришли к проблеме воли? И почему мне кажется эта проблема очень важной? Может быть, самой важной, ведущей для понимания личности.

Не буду подробно останавливаться на истории и современном состоянии проблемы воли в психологии. Этот материал еще не полностью собран мной. Но даже то, чем я располагаю, свидетельствует о многом. Во-первых, о том, что в последние десятилетия эта проблема все чаще и чаще привлекает к себе внимание психологов (особенно у нас в Советском Союзе). На Всесоюзном психологическом съезде в Тбилиси был выделен специальный симпозиум о воле, причем его организаторы написали обращение к делегатам съезда, в котором указали на огромное значение проблемы воли и произвольного поведения, на ее крайне недостаточную разработанность и теоретическую неясность. Интерес к проблеме воли является неслучайным: он тесно связан с интересом к вопросам психологии личности, с одной стороны, и с потребностью решить в конкретно-психологическом плане философскую проблему свободы воли и необходимости. Во-вторых, материалы, которыми я располагаю, свидетельствуют о том, что эта проблема до сих пор не только не решена, но и что в поиске ее решения нет заметных продвижений. Конкретные исследования носят либо констатирующий характер (когда, в каком возрасте, при каких условиях возникает произвольное поведение), либо идут «по касательной» (изучение мотивации, самоконтроля, самовоспитания), либо бьются над пока еще не доступными для экспериментального изучения проблемами, например, над проблемой волевого усилия.

Если же мы обратимся к теоретическим исследованиям воли, то здесь отчетливо увидим, как все они разбиваются о загадку той специфически человеческой активности, которая определяет поведение в направлении осознанного «надо» вопреки непосредственно переживаемому «хочется»*. А между тем не поняв психологическую природу, происхождение и механизм этой активности (активности человеческого сознания), мы никогда не сможем разрешить ни одного вопроса, связанного с психологией личности, не сможем понять законов ни ее становления, ни ее распада.

XXX

Нельзя не согласиться с Ш. Н. Чхартишвили в том, что в последнее время существует тенденция отказываться от понимания воли как особого психического явления — явления, имеющего свою специфику. Волю пы-

таются сводить к совокупности других процессов — инстинктам, потребностям, чувствам, интеллектуальным процессам (осознанию цели и способов ее достижения и пр.). Многие предпочитают говорить не о воле, а волевом поведении, волевом акте. В тех же случаях когда воля выделяется в качестве психического явления, ее рассматривают метафизически, даже не ставя вопросов ни о ее происхождении, ни о ее психологической сущности. Таким образом, именно проблема воли остается до сих пор цитаделью идеализма.

xxx

Беда не только в том, что проблема воли как психологическая проблема остается недостаточно изученной, но и в том, что она часто подменяется философскими рассуждениями, причем эти рассуждения выдаются за научный психологический анализ проблемы и даже ее решение.

XXX

Мне представляется, что в вопросе о воле мы не разберемся до тех пор, пока не выделим основных признаков действия и не отделим его от всех других действий, не имеющих волевого характера. До сих пор мы остаемся в плену дихотомии: действия относятся либо к импульсивным, осуществляющимся в виде непосредственной разрядки возникшего импульса, помимо сознания и намерения субъекта; либо к волевым, т. е. целенаправленным и сознательно регулируемым. Но если все сознательные и целенаправленные действия являются волевыми, то зачем нам понадобилось понятие воли? По-видимому, это понятие возникло потому, что среди целенаправленных действий существуют некие особые действия, характеризующиеся особыми специфическими признаками, позволяющими выделить их в особую категорию — категорию волевых действий.

xxx

Часто под волевыми действиями понимаются не просто целенаправленные действия, но такие, осуществление которых требует преодоления внешних или внутренних препятствий. Однако и такое понимание волевых действий представляется крайне расширительным. Когда действие связано с преодолением внешних препятствий, достаточно наличия не-

* К этому заключению Л. И. Божович пришла в результате изучения трудов У. Джемса, Т. Рибо, Э. Кречмера, М. Л. Рубинштейна, Ш. Н. Чхартишвили, В.И. Селиванова и др. Подчеркнуто здесь и далее Л. И. Божович. — *Прим. Е. Д. Божович.*

которой доминирующей потребности и отчетливого восприятия (или представления) предмета, способного ее удовлетворить. В этих случаях возникает целенаправленное действие, способное преодолевать внешние препятствия, так как побуждение избежать этих препятствий является менее сильным, чем потребность, толкающая на их преодоление. Такого рода действия может совершать и животное, охотясь за пищей или преследуя самку. Совсем иной механизм должно, вероятно, иметь действие, осуществляемое вопреки непосредственному желанию или стремлению, т. е. действие, связанное с преодолением именно внутреннего препятствия. Только такие действия мы будем называть волевыми; только они связаны с переживанием так называемого «волевого усилия» и только оно пока не нашло своего конкретно-психологического объяснения.

xxx

Надо остановиться еще на одном, как нам кажется, неправильно решаемом вопросе, а именно на вопросе об осуществлении волевого акта. Можно ли считать, что победа «необходимого» над «непосредственно желаемым» происходит путем принятия решения или даже образования намерения, что этих волевых мотивационных образований, выполняющих побудительную функцию в системе волевого поведения, уже достаточно для того, чтобы волевое действие осуществилось? Или же принятие решения и образование намерения входят в структуру волевого поведения, составляя его важнейшее звено? Кстати, надо четко разделить то и другое: решение — это акт, завершающий выбор цели, функциональное образование, определяющее направление деятельности; намерение — это не только решение, но и программирование способа достижения цели. Иначе говоря, намерение включает в себя план достижения цели.

Безусловно последнее: покоренные потребности продолжают действовать; изменяется ситуация — возникают препятствия в виде новых потребностей и стремлений; осуществление поведения может оказаться неприятным, ослабевает побудительная сила решения и т. д. и т. д.

xxx

Нам представляется, что подход к решению проблемы воли может дать анализ процесса развития потребностей и перехода их в новые качественно своеобразные формы. В наших исследованиях мы пытаемся решать именно этот вопрос возникновения новых функциональных образований как результат опосредования натуральных человеческих потребностей*. Возникновение новых функциональных образований в виде сплава аффекта и интеллекта. Изучение конкретного механизма их возникновения и

функционирования приближает нас к пониманию природы воли и ее формирования.

В исследованиях Л. С. Славиной и Т. В. Ендовицкой установлено, что переход от импульсивного поведения, побуждаемого непосредственно ситуацией, в которой находится ребенок, к поведению произвольному предполагает включение внутреннего интеллектуального плана, который, «вклиниваясь» между восприятием ситуации и поведением субъекта, выполняет функцию исследования этой ситуации и организации поведения в соответствии с ее пониманием. Однако есть ситуации, в которых внутренний интеллектуальный план вообще блокируется под натиском сильной непосредственной потребности.

На основе проведенных опытов может быть сделано предположение, что, по-видимому, существуют два интеллектуальных плана — условно план А и план Б.

xxx

Умственный план действий А необходим для организации своей мотивационной сферы (поддержания, усиления мотива, по линии которого должно осуществляться действие в соответствии с поставленной целью). План Б необходим для того, чтобы найти правильные ПУТИ достижения цели. До сих пор во всех ее (Т. В. Ендовицкой) опытах был внутренний план типа Б. Теперь надо заняться планом А. И в том и в другом имеются общие элементы, но существуют и принципиальные различия. В качестве важнейших принципиальных различий, по-видимому, надо выделить по крайней мере два. Первое — это необходимость во внутреннем плане А предусматривать эмоциональные последствия поступка и уметь их представить в переживания (чего не надо делать во внутреннем плане Б). Второе — в зависимости от того, какой мотив сильнее, будет осуществляться и подборка аргументов в пользу того или иного способа поведения, так как основная задача внутреннего плана А — облегчить достижение необходимого, преодолев непосредственно желаемое, или, напротив, облегчить достижение желаемого, обесценив необходимое. В плане Б этого не происходит.

Следует добавить, что отличие плана А от плана Б заключается также и в том, что в плане Б, как правило, имеется образец, который может быть достигнут субъектом. Поэтому субъект в плане Б моделирует лишь наличную ситуацию, выделяет в ней существенные элементы и устанавливает между ними связи и отношения. Во внутреннем же плане А самым существенным является умение смоделировать не только ситуацию и свои действия в нем, но и ту воображаемую ситуацию, которая возникает в результате совершенных поступков. Именно ясное представление последствий своего поступка может изменить побудительную силу тех мотивов, которые толкают субъекта на выбор стратегии своего поведения. Если эта воображаемая картина не вызовет у ре-

* Под натуральными Л. И. Божович понимала не только органические, но любые актуально действующие потребности, направленные на тот или иной непосредственно привлекательный для субъекта предмет. — *Прим. Е. Д. Божович.*

бенка соответствующего эмоционального отношения, то перераспределение побудительных сил «знаемого» и непосредственных мотивов не произойдет.

Здесь следует также учитывать, что сильный непосредственный мотив и может не только нацело блокировать внутренний интеллектуальный план действий (опыты Л. С. Славиной), но и исказить его, заставляя интеллект служить своим целям. Именно к таким явлениям относится, например, пристрастная подборка аргументов, усиливающих значение непосредственно желаемого поведения и ослабляющих значение вызванных им последствий. Такого рода процессы мы часто встречаем у несовершеннолетних правонарушителей (см. исследования Г. Г. Бочкаревой). Это же явление имеет место, когда на человека неожиданно сваливается какая-нибудь серьезная неприятность. Постепенно человек ее «обживает», находит пути ослабления возникшего аффекта, обесценивая свершившееся, противопоставляя ему другие факты и связанные с ними преимущества, и т. д.

Во всех случаях, когда в результате включения внутреннего интеллектуального плана человеку удастся организовать свое поведение по линии «знаемого» мотива, преодолев непосредственно действующие побуждения, надо говорить о волевом поведении.

Следовательно, воля действительно есть специфически человеческая способность «вклинивать» между воздействующей на человека ситуацией и осуществлением поведения в этой ситуации внутренний интеллектуальный план, обеспечивающая поведение, связанное с осознанной необходимостью, тормозящая поведение, непосредственно желаемое, импульсивное. С этой точки зрения, психологическая природа воли может быть раскрыта как способность субъекта обращаться в случаях конфликта двух разнонаправленных мотивационных тенденций к внутреннему интеллектуальному плану действий, направленному на регуляцию своей мотивационной сферы; это становится возможным, так как субъект для овладения своей мотивационной сферой обращается к анализу наличной ситуации и, избирая стратегию поступка, моделирует его последствия. Моделирование будущей ситуации актуализует ранее только «знаемые» мотивы, превращает их в непосредственное побуждение. Так возникает произвольное поведение: оно есть результат опосредствования непосредственной потребности интеллектуальным планом, в силу чего происходит интеллектуализация и волюнтаризация побудительных сил человеческого поведения. Вот эти опосредствованные потребности, данные в виде новых функциональных образований типа намерения, решения, которые уже не являются ни потребностями, ни мышлением, и есть то, что может быть названо волевыми образованиями. Здесь надо подчеркнуть следующее: если потребность опосредствуется осознаваемой целью, не имеющей собственной побудительной силы, но и не имеющей для субъекта отрицательного смысла, то ее достижение не требует от субъекта специальной реорганизации соотношения сил во внутреннем плане, и такая цель и связанное с ее достижением по-

ведение не могут быть названы волевыми. С этой точки зрения, не всякое целенаправленное поведение есть волевое поведение в собственном смысле слов. Во многих случаях включается план Б, направленный на нахождение рациональных способов достижения цели, а не план А, направленный на организацию своего мотивационного поля. Отсюда следует, что волевое поведение возникает только в условиях внутреннего конфликта двух разнонаправленных тенденций, при котором обязательно удовлетворение одной потребности влечет за собой неудовлетворение другой. По-видимому, переживание «волевого усилия» является следствием торможения непосредственной, актуально действующей потребности.

xxx

Когда человек моделирует будущую ситуацию, то самое трудное для него — представить себя в этой ситуации; он хорошо может смоделировать внешние обстоятельства, некоторые последствия своих действий, хотя последнее уже труднее, но смоделировать себя самого, каким он будет в этой новой ситуации, какие с ним самим к тому времени произойдут перемены — оказывается трудным, а иногда невозможным не только для ребенка, но и для взрослого человека.

Например, перед ребенком 9 лет стоит задача выбрать, когда ему делать уроки: сейчас, до того, как начнется передача по телевизору, или после нее. Делать уроки ему сейчас не хочется. Он рассчитывает: телепередача идет 1 час 15 минут; когда она кончится, будет 7 часов 30 минут вчера. Ложиться спать надо в 9 часов, поужинать и помыться можно за полчаса. Уроков немного, одного часа на них вполне хватит. И он решает делать уроки после телепередачи. Однако после передачи он решает снова отложить уроки... на завтра, рассчитывая встать не в 7 часов 30 минут, как обычно, а в 6 часов 30 минут.

Чего он при этом не учитывает? Он не учитывает того, что ему еще более не захочется делать уроки в той, будущей ситуации. В первый раз он не сумел учесть, что к тому времени, когда кончится телепередача, он уже устанет, новые впечатления усилят желание заниматься и т. д. Во второй ситуации он не учитывает также свое субъективное состояние — не захочется рано вставать, каким он будет невыспавшимся, как трудно будет в этих условиях сесть за письменный стол и учить уроки; наконец, как сильно он устанет к вечеру следующего дня, в течение которого придется два раза готовить уроки — утром и днем и т. д. и т. д.

Аналогичные трудности моделирования себя в будущей ситуации испытывает и взрослый человек, когда он ставит себя в новые, будущие условия, например, представляет себя в старости или на пороге смерти. Он рисует свои собственные переживания в этой ситуации такими, какими они выглядят для него сегодня; иначе говоря, он, как правило, не умеет себе представить, что к тому времени он будет дру-

гим и вся ситуация будет для него — того, другого — выступать совсем иначе, чем для него, теперешнего. Например, молодому человеку кажется, что хорошо бы дожить до ста лет, если будешь к этому времени здоров и будешь иметь ясную мысль и твердую память. Но этот молодой человек не способен смоделировать своих переживаний, которых он не имел еще в опыте, о которых не читал, которым не сопереживал. Например, что старый человек может не суметь адаптироваться к требованиям времени, может потерять свою позицию в работе, в семье, в жизни; не учесть, что длительная жизнь поставит его перед необходимостью терять близких и друзей, что он может остаться один, что вынужден будет видеть, как старятся или даже умирают его дети и т. д.

xxx

Субъективно волевое действие воспринимается человеком как спонтанное, исходящее от него самого, не обусловленное никакими внешними воздействиями, обстоятельствами, зависящее лишь от свободно принятого решения, намерения. Такое восприятие волевого действия поддерживается переживанием так называемого «волевого усилия», возникающего у человека при совершении волевого действия. Именно эта субъективная, интроспективная сторона волевого действия дала повод для рассмотрения во-

ли как особой духовной силы, как особой функции человеческого «Я».

xxx

По-видимому, волевое действие обязательно предполагает:

1) осознанную потребность и предмет, который способен ее удовлетворить;

2) наличие внутреннего препятствия, т. е. потребности, стремления не добиваться цели;

3) сознательное стремление действовать по линии наименее непосредственно желаемой цели;

4) регулирование своего мотивационного поля и собственного поведения в соответствии с принятым намерением (выбранной целью, решением).

То, что принято называть «волевым усилием», есть отражение в форме переживания акта преодоления непосредственного желания. Очень важно раскрыть его функцию. Просто ли это эпифеноменальное явление или же оно помогает преодолению? Может быть, оно лишь отражает внутреннее сопротивление (или неудовлетворенность непосредственного желания), а может быть, это отражение становится дополнительным мотивом, поддерживающим активность человека? Или дополнительным внутренним стимулом, разрывающим волевым актом, усиливающим сопротивление непосредственного желания?

Многоплановость личности

Л. И. Божович

Когда мы говорим о *многоплановости** личности, кто следует иметь в виду наличие у нее не только сознательных и неосознанных мотивов и переживаний, но и *разных категорий самих мотивов*: есть система непосредственных побуждений, связанных с *органическими потребностями субъекта*, с его *интересами* (т. е. с потребностями столь же непосредственными, но не органического порядка — духовными, интеллектуальными), с *привычками, нравственными* установками. Вместе с тем есть система опосредованных побуждений, возникающая с осознанием ситуации, в связи с решениями, принятыми субъектом, его целями, задачами, намерениями и стремлениями. Наконец, существуют побуждения, вытекающие из *особенностей личности* человека — из его опыта, качеств личности, структуры его характера.

Все это создает очень сложную картину взаимосвязанных, борющихся и поддерживающих друг друга потребностных тенденций, из соотношения

которых на данный момент и рождается человеческий поступок. Это замечательно показано у Достоевского, например, в «Преступлении и наказании». Раскольников слаб волен и нищ. Вместе с тем он тщеславен и самолюбив. Он воспитан в прекрасной семье и поэтому непосредственные нравственные установки у него сильны. Он очень любит родных и страдает от того, что они находятся в нищете и к тому же должны ему помогать. Он не смог содержать себя в Университете (у него не хватало для этого выдержки и умения работать), он погряз в отвратительных нищенских условиях и страдает в них не только за себя, но и за близких. Надо достать денег, которые помогут ему начать новую жизнь на основе признания, помочь близким. Но просто украсть, просто ограбить, а тем более убить и ограбить ему не позволяет сильно развитое нравственное чувство. Оно толкает его на создание «теории» — о сверхлюдях, способных переступить через условность принятых нравствен-

* Здесь и далее курсив автора. — Прим. Е. Д. Божович.